

Присутствие в мире

Научный руководитель – Гиренок Федор Иванович

Сацукевич Анна Игоревна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философской антропологии, Москва, Россия

E-mail: AU10029@yandex.ru

"С любой стороны я избегаю бытия и, однако, я есть.

Но вот вид бытия, который касается только меня: я печален. Эта печаль, которой я охвачен, не есть ли она как раз способ бытия того, чем я являюсь? Чем она, однако, является, кроме интенционального единства, которое собирает и оживляет совокупность моих действий? Она - смысл того тусклого взгляда, который я бросаю на мир, этих сутулых плеч, опущенной головы, вялости всего моего тела. Но в то время, когда я производжу эти действия, мог ли я их не производить? Пусть внезапно появится посторонний, и я подниму голову, приму живую и подвижную позу. Что останется тогда от моей печали?». [1]

Это все проявление одного истечения... Одной явленности или, если быть точнее, как раз неявленности. Но даже не так, ибо явление предельно в модусах явления или неявления (может быть, сокрытости), когда здесь дело касается явления с отрицательным бытием или недособытия. Когда я говорю об отсутствии, я говорю об ощущении безмерной утраты. Утраты онтологической основности, части самобытия. Те интенции, наблюдаемые и маркеруемые как недо-статочность событий [чувств, эмоций, действий], есть изотропная попытка заполнения этого недобытия, ибо пробел такой самоданности есть лишь вопрос самореферентного акта.

И в такой самоидентичной дисперсии

Мое со-существование с другим невозможно.

И пространство, конституирующееся вокруг, [меня] будет регионом самодовлеющей силы, где наличие Другого эксплозивно элиминируется. И как по Гегелю, лишь сознание, равное по силе, может быть проявлено для другого. Также и здесь. Вопрос не в разрешимости и шизофатичной корреляции, но в отсутствии пока такого равного по силе Сознания, что может выдержать то непомерное энтропийное разрушение, которое стоит на царстве стражи этой эксплицируемой сущности.

Я тянусь к Другому не потому, что мое *existense* пребывает в одиночестве, но оттого, что оно бежит от своего бытия. В желании растворения в бытие-Другого, моё бытие больше не может находиться в бытии самого себя.

Это сокрытие становится явным. Оно очерчивает границы, претворяет в жизнь.

Но что заставляет сознание быть таковым, что не может смотреть на самое себя? Что находится на границе той имманентности? Каков великий секрет, что храниться в потаённости, и выбирает путь скорби и пути неудач, как тот, что в наибольшей степени выносим? Мое вопрошание здесь не обращено к Другому. Оно началось еще задолго до его появления. Я здесь постольку, поскольку мой вопрос проясняет меня. Фигура другого как выход к миру есть лишь вторичность, но та, что проясняется лишь в связи с вопрошанием меня о самом себе. Когда здесь я говорю о себе, я не нахожусь в обращении, но пребываю в уяснении, что всё мои действия производны от самой конститутивной возможности этого вопрошания. И в этой нелинейности, где порядок обыденности нарушён, я приходил к другому, потому что он всегда уже был здесь.

Мое existence больше не принадлежит мне самому. Это существование разделено с миром, и я больше не могу находиться внутри себя. Оно причастно, и в своём сопричастии обозначает себя, как здесь присутствующее.

Источники и литература

- 1) Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. - М.: Республика, 2000. - 639 с.